

ние безумия происходящего, в которое ввергнут человек. У него не остается выбора, он не может спастись...

Подводя итог, можно указать на главную особенность военной публицистики Чирикова, которая заключается в том, что она явила читателю военные очерки «без войны». И то, что могло бы показаться недостатком, благодаря найденному углу зрения и художественной проработке темы стало победой Чирикова-публициста и писателя.

Литература

Письмо редакции газеты «Русское слово» Е.Н. Чирикову 15 января 1915 из Москвы (Киевский музей Леси Украинки. Д. 1735).

Чириков Е.Н. Письмо И.М. Касаткину от 15 января 1912 года (?) // РГАЛИ. Ф. 246. Оп. 1. Д. 144).

Чириков Е.Н. Поездка на Балканы. СПб., 1913.

Чириков Е.Н. Пара сапог! (Около войны) // Русское слово. 1915. № 4. 6 (19) янв.

Чириков Е.Н. Эхо войны. 2-е изд. М., 1916.

Чириков Е.Н. В тылу и около позиций. (Около войны) // Русское слово. 1915. № 3. 4 (17) янв.

Чириков Е.Н. На путях жизни и творчества: отрывки воспоминаний // Лица. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1993. № 3.

И.С. Приходько

Александр Блок и Первая мировая война (1914–1915)*

В жизни Блока в связи с Первой мировой войной можно выделить три периода:

1) лето 1914–1915 (захваченность событиями, участие в них, проводы жены на фронт, ее письма, стихи о войне, книга «Стихи о России». Пг., 1915);

2) 1916 (осознание «невеликости» этой войны, призыв Блока на военную службу в прифронтовой полосе белорусского Полесья, собственно служба с начала августа 1916 по 20 марта 1917);

3) 1917–1918 (замена военной службы службой в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию деятельности членов царского правительства, война и революция).

Для изучения каждого периода есть свои источники, но общие для всех – это записные книжки Блока, его письма и письма к нему, многие из которых остаются неопубликованными и не введенными в научную биографию Блока.

В данной статье в поле рассмотрения будет первый период. В качестве источников, кроме личных документов, здесь будут привлечены газетно-журнальные материалы, которые помогут объективировать картину жизни, деятельности и творчества Блока первых месяцев войны.

Однако начать необходимо с записных книжек, в которых получает отражение как внешняя, так и внутренняя жизнь поэ-

* Выражаю благодарность Н.Ю. Грякаловой и О.А. Лекманову за обсуждение этой работы, представленной в виде доклада на круглом столе «Политика и поэтика» 2 ноября 2012 г. Высказанные ими соображения позволили мне скорректировать акценты.

та. Известна обостренная чуткость Блока к общественным и политическим событиям своего времени. «Мы знаем, – скажет он в “Катилине”, – что происходят события в жизни человечества: бывают мировые войны, бывают революции; рождается Христос. Для обывателя, – заметит он далее, – событий не происходит»¹. Блок воспринимает начало Первой мировой войны как сотрясение основ, трагический катаклизм, который в корне изменил жизнь мира, страны, каждого отдельного человека, и прежде всего – самого поэта. Его записные книжки первых месяцев войны, начиная с 15 июля 1914 года, когда он запишет: «Пахнет войной (Австрия – Сербия – Россия)»² (с. 234), дают подневную сводку военных событий, записи кратки и практически ежедневны: 18 июля, «Белград бомбардируется австрийцами» (с. 234); 20 июля, «Манифест» (об объявлении войны Германии – *коммент. с. 564*); «на Невском – немецкие вывески, манифестации, немецкие “шпионы”, австрийские флаги» (с. 234); 23 июля, «Англия объявила войну Германии» (с. 235); 24 июля, «Австрия объявила нам войну» (с. 235); 25 июля, «Телефон с Терещенкой. Он – уполномоченный Красного Креста в Южной армии» (с. 235); 26 июля, «Заседание Государственной думы и Государственного совета. Манифест о войне с Австрией» (с. 235); 27 июля, «У нас уже есть раненые» (с. 235); и далее: 19 августа, «Петербург переименован в Петроград. – Мы потеряли много войск. Очень много» (с. 237); 22 августа, «Взятие Львова и Галича. – Убийственно. – Люба назначена в госпиталь Терещенки в Киев» (с. 237); 23 августа, «Победа между Люблиным и Холмом» (с. 237); 31 августа, «Австрийцы разбиты?» (с. 238); 4 сентября, «Австрийцы разбиты» (с. 238).

Глубоко личным становится переживание войны с момента поступления Любы на курсы сестер милосердия в Кауфмановскую общину, 7 августа (с. 236), а затем и проводов ее на фронт 3 сентября: «Люба уезжает: 11.37 вечера с товарной станции Варшавского вокзала. – Поехала моя милая» (с. 238). 30 августа, за три дня до ее отправки, навещая мать в Петергофе, он видит, как уходит на войну эшелон – «с песнями и ура» (с. 238), и в последующие два дня пишет стихотворение «Петроградское небо мутилось дождем...», которое будет опубликовано в газете «Русское слово» 21 сентября

1914 г. и войдет в сборник А.Н. Чеботаревской «Война в русской поэзии» (Пг., 1915), а также в его «Стихи о России».

19 октября 1914 г. Блок будет со всеми своими провожать «в поход» отчима, Франца Феликсовича Кублицкого-Пиоттух. И также запишет точное время отправления поезда: «В 12 часов 3 минуты ночи Франц уезжает с эшелоном». Франц Феликсович, как и Люба, едет на южный фронт и навещает ее там (6 ноября, с. 246). 8 декабря он возвращается: «Приехал бодрый, шинель в крови» (с. 249). Но 3 января 1915 г. он вновь «едет в Галицию. Проводили». И вновь заезжает к Любови Дмитриевне, чтобы передать «письмо и посылку» от Блока (3 и 9 января, с. 253).

С самого начала войны, уже в июле 1914 г., Блок входит в Комитет помощи семьям запасных, проводит по заданию Комитета их обследование (см. его записи: 31 июля, «Семь обследований, справки в “Вечернем времени”»; 1 августа, «В попечительстве днем. Семь обследований. Заседание в попечительстве»; 2 августа, «Пять обследований. Днем в попечительстве»; 3 августа, «Шесть обследований (три, а трех не застал)»; 4 августа, «Четыре обследования (из них двух второй раз не застал дома)»; 6 августа, «Два обследования» (с. 235–236), и т. д. Представительница попечительства, знакомая матери Блока Е.Р. Денн, обращается к Блоку за поддержкой их инициативы по сбору средств: «М-те Денн звонила, просила способствовать устройению Дня Креста» (18 сентября, ЗК, с. 240); и далее, запись от 25 сентября: «День «Креста» (в пользу раненых)» (с. 241). Блок также является членом комитета, организованного газетой «Биржевые ведомости», по сбору пожертвований «на рождественский подарок нашим воинам» – «Елка в окопах» (см. список в «Биржевых ведомостях» от 12 ноября 1914 г. и утренний выпуск от 16 ноября 1914 г.), см. также запись Блока от 17 ноября (с. 247).

В бурной деятельности художников и поэтов, развернувшейся в связи с войной в Петрограде, Блок принимает самое активное участие. Он присутствует на организационных заседаниях, см., например, запись от 18 ноября: «Заседание общества писателей вечером (“Жертвы войны”))» (с. 247). Газеты первых месяцев войны пестрят сообщениями о вечерах поэтов, устраиваемых в пользу

жертв войны. Записные книжки Блока подтверждают его включенность в эти вечера: *28 марта 1915 г.*: «Мы с ней (Л.А. Дельмас. – И.П.) участвуем на вечере, устраиваемом Ан. Чеботаревской (Зал Армии и Флота)» (с. 259). Газета «Речь» от 31 марта помещает краткий отчет об этом вечере, упоминая и участие Блока. Запись в *ЗК* от 18 апреля: «Вечер петроградских поэтов в Тенишевском зале (Лазареты Вольно-экономического общества). Я читал, отвезенный в автомобиле. Успех» (с. 261). «Петроградский курьер» от 18 апреля 1915 г. дает объявление об этом вечере – в пользу II городского лазарета. В газете «День» от 26 апреля публикуется благодарность попечителя госпиталя Л. Лутугина всем участникам и организаторам этого вечера. Блок выступает и в других вечерах «Поэты – воинам», «Жертвам войны – писатели и артисты» и т. д., анонсируемых газетами, не всегда отмечая их в своих записных книжках.

Точно так же Блок включается в издания альманахов поэзии с доходом в помощь жертвам войны («Клич», «Невский альманах» и др.). В *ЗК* он фиксирует звонки редакторов газет и журналов, а также коллег по перу (Ремизова, Сологуба, Чеботаревской и др.) с просьбой о стихах и, собственно, сами публикации: *9 сентября*, «Звонил Миролюбов, стихов просил» (с. 239); *13 сентября*, «Заказное Миролюбову (стихи)» (с. 239); *18 сентября*: «Звонил Гржебин, просил стихов для своего военного журнала» (с. 240); *22 сентября*, «Мои стихи в “Русском слове”» (с. 240–241); *29 сентября*: «Щеголев просил к четвергу или пятнице что-нибудь для “Дня” (о Бельгии) и для “Жизни” – стихи или прозу» (с. 241); *6 октября*, «Последний срок для представления в “День” отчета о своих чувствах, по возможности, к Бельгии, в стихах или прозе. Я же чувствую только Россию одну. – Вчера послал “Антверпен”»; *26 октября*: «Мои стихи в “Биржевых ведомостях” и в “Голосе жизни”» (с. 245); *2 ноября*: «Стихи в “Русской мысли”» (с. 245); *2 ноября*: «Стихи в “Русской мысли”» (с. 245); *1 декабря*: «В два часа к П.Б. Струве (захватить стихи)» (с. 249); *3 декабря*: «Сытину стихи» (с. 249); *23 декабря*: «Телефон от Сологуба (просит стихов для сборника). – Телефон с А.М. Ремизовым (предлагает издать книжку в “Отечестве” в пользу раненых)» (с. 251). Речь идет о книге

«Стихи о России», которая действительно будет выпущена редакцией еженедельного журнала «Отечество» в мае 1915 г.

В целом в эти первые военные месяцы осени 1914 – весны 1915 г. стихи Блока регулярно появляются на страницах многих ведущих газет и журналов, таких как «Биржевые ведомости», «Русское слово», «День», «Жизнь», «Речь», «Голос жизни», «Аполлон», «Отечество», «Русская мысль», «Ежемесячный журнал» и др. В большинстве случаев это были стихи, написанные ранее и тематически не связанные с войной. Однако редакторы и издатели помещали их в своих изданиях, доверяя авторитету Блока и слыша их внутреннюю, «ритмическую» связь с напряжением момента. Так, например, цыганское стихотворение «Натянулись гитарные струны...» напечатано в журнале «Отечество» на одной полосе со снимком итальянских офицеров в уходящем на войну поезде, подписанным: «К выступлению Италии. Посадка войск, отправляемых на австрийскую границу» (№ 14). Стихи Блока в периодике военного времени резко отличались от здесь же опубликованных стихотворений других поэтов – Ф. Сологуба, Н. Гумилева, В. Брюсова, Игоря Северянина, Р. Ивнева, даже Вяч. Иванова, писавших на заданную тему.

Война способствовала новой волне внутреннего сближения Блока с Любовью Дмитриевной после длительного душевного отчуждения. Ее отважный героизм, ее прорвавшаяся снова нежность и доверие, тяга к нему издавна вызвали его ответную нежность и заботу, вернулась их прежняя детская игра в «зайца» и «хозяина», детские формы обращения (у него в *ЗК* – *Буся*, *Бо*, *маленькая*, *милая*; у нее в письмах – *Лалочка*, *Лалалка*, *Лало*). Он с радостью исполняет ее просьбы и капризы, желая побаловать, посылая ей на фронт «сласти» и «игрушки».

Однако письма Любви Дмитриевны к Блоку с войны³ – не только свидетельство нового этапа их душевной близости, но и важный исторический документ, в котором воспроизведены будни войны. Неслучайно Блок, по просьбе А.Н. Чеботаревской, сделал выборку из ее писем для публикации в еженедельнике «Отечество» (1914. № 4. С. 78–79). В этих письмах можно также увидеть образ самой Любви Дмитриевны, стойко переносящей тяготы и

неудобства войны, готовой на любую самую черную работу. Она убирает загаженные помещения, приспособляя их под палаты для раненых, моет и перевязывает самих раненых (у нее в палате их 40 человек), помогает их перевозить и переносить. Чувство долга и заботы позволяет ей превозмочь смертельную усталость и собственное недомогание («Письмо от милой. Ножки болят, и много всякого», – запись от 21 октября, ЗК, с. 244).

Параллельно с этими вызванными войной событиями и переживаниями Блок ведет напряженную творческую работу. Он продолжает начатую ранее поэму «Соловьиный сад» («Поэмка» – в записи от 10 августа, с. 236); работает над подготовкой к изданию стихотворений Аполлона Григорьева и над статьей о нем; вычитывает корректуру тома переводов писем Флобера к Каролине де Комманвиль, выполненных матерью под его редакцией; получает корректуру цикла стихов «Кармен» из редакции журнала «Любовь к трем апельсинам» (1914. № 4/5); начинает подготовку своего трехтомника стихотворений для нового издания «Мусагета»; готовит к изданию свой перевод «Действа о Теофиле» Рютбефа; обращается к работе над поэмой «Возмездие»; создает ряд лирических стихотворений; готовит и сдает в печать «Стихи о России». Блока не отпускает сценическая судьба и перспектива драмы «Роза и Крест»: он вступает в переговоры с режиссером Камерного театра А.Я. Таировым, который очень заинтересован в согласии автора передать пьесу для постановки в его театр; пишет пояснения к драме для постановки в Художественном театре, а также пояснения по просьбе композитора Ю.П. Базилевского, работавшего над музыкой к «Розе и Кресту»; встречается с художником Н.Н. Куприяновым, создавшим стилизованный под старинный манускрипт рукописный вариант драмы Блока в знак восхищения ею.

В Петрограде, однако, не было военных действий и жизнь шла своим чередом. Блок регулярно работает в библиотеке Академии наук (над подготовкой к изданию стихов Ап. Григорьева, см. записи от 9, 11, 12, 13, 15–20, 22, 24, 27 сентября и дальше, на протяжении октября–ноября 1914 г.) и в Публичной библиотеке (см. записи от 24–27, 29 ноября); заходит к букинистам; общается со многими людьми, близкими и не очень, встречается или прини-

мает у себя (А.М. Ремизов, А.В. Гиппиус, Вл. Пяст, Вл. Н. Ивойлов (В. Княжнин), Е.П. Иванов, В.Э. Мейерхольд, Е.Ю. Кузьмина-Караваяева и др.); навещает мать в Петергофе, пока она находится там с 21 августа по 17 октября, а затем и в городе; посещает cinema: «“Revue” по-“парижски” на военные темы» (12 сентября, с. 239, а также 9 и 11 февраля, 6 марта, с. 255–257); оперу: «Первая “Кармен” (не Дельмас)» (6 октября, с. 242); «Снегурочка» («с мамой»: «Л.А. Дельмас поет Леля, дала нам билеты» (31 октября, с. 245); «Вечером – “Пиковая дама”» (21 ноября, с. 248); «Любовь Александровна утром поет “Кармен”. Я слушаю» (4 января, с. 253); «“Царь Салтан” (1-е представление), – мы с Любовью Александровной в Мариинском театре» (2 марта 1915 г., с. 257); «“Китеж” (Мариинский театр) – пузатое кощунство» (12 марта, с. 258); «Утром она поет в “Садко”» (28 марта, с. 259), и др.; спектакли и концерты: «Вечером Любовь Александровна... Поет Даргомыжского: “Я здесь, Инезилья...” и “Оделась туманом Гренада...” (20 декабря, с. 251); «Пушкинский вечер (она поет)» (29 января 1915 г., с. 255); «Спектакль студии Мейерхольда – с ней» (12 февраля, с. 256); «Первое представление “Зеленого кольца”. Мы с ней в ложе» – 18 февраля, с. 256); «Вечером мы с Любовью Александровной на поэзоконцерте И. Северянина» (27 апреля, с. 261) и др.; «Ночью – цирк и милая девушка» (11 ноября, с. 247); «в цирке на борьбе» (22 апреля, с. 261), и т. д.

Посещение кинематографа, театра или концерта чаще всего связано с Л.А. Дельмас. С нею он совершает прогулки: «Вечером я встретился с Л.А. Дельмас. Мы поехали в Новый Петергоф. <...> сидели на вокзале и вернулись с последним поездом» (14 сентября, с. 240); «Любовь Александровна, Новая деревня, вино» (1 и 12 декабря, с. 249, 250); «Вечером катались и сидели на Приморском вокзале с Л.А. Дельмас» (16 ноября, с. 247); «Позже гуляем с Любовью Александровной по Дворцовой набережной» (4 декабря, с. 249); «Вечером мы на островах» (1 февраля, с. 255); «Вечером мы на Стрелке» (7 февраля, с. 255); «Мы с ней гуляем у Исаакиевского собора и до Троицкого моста – около заутрени» (21 марта, с. 258); «Ночью встреча с ней на мосту и гулянье по нашей улице» (30 марта, с. 259), и т. д.

Контрапункт записей, посвященных Любви Александровне и «милой» на протяжении осени–весны 1914–1915 гг., передает тяжелое, раздвоенное душевное состояние Блока. Пик страсти к Л.А. остался позади и вылился в стихи цикла «Кармен», созданные на едином дыхании. Теперь, с началом войны и решением Любы идти на фронт сестрой милосердия, Блок многое в своей жизни увидел по-новому, вернее – по-старому: «Но в сердце – первая любовь / Жива – к единственной на свете». Он принимает решение прекратить встречи с Дельмас: «Ночью я пишу прощальное письмо» (16 августа, с. 237). Но страсть не перегорела, и уже утром – «я переписываю письмо. *Посылаю его и розы* (выделено Блоком. – *И.П.*)», и далее – начало двухголосия, воспоминания о двух Любях перемежаются: «Одиннадцать лет нашей свадьбы с Любой. – Шуваловский парк. Наши улицы. Небо огромное. Ночью – ее мелькнувший образ. Ночью она громко поет в своем окне» (17 августа, с. 237). Сон 17 августа – «о том, как она умерла, – всю ночь». Сон 20 августа – «о том, что я женился на ней» (с. 237). 21 августа Блок думает о том, «чтобы наложить на себя руки» (с. 237). Положение осложняется тем, что она не согласна его отпустить: «ее цветы, ее письмо, ее слезы, и жизнь опять цветуще запутана моя, и я не знаю, как мне быть» (22 августа, с. 237). Ямбическое оформление этой записи говорит о том, как органично слиты в поэте страсть и стих. Позднее Блок запишет: «Страсти могут менять человека – даже мозг, качество темперамента, все» (22 марта 1915 г., с. 258). А в конце первого военного года, в записи от 31 декабря, контрапункт голосов, обращенных к двум женщинам, разрешится аккордом трех имен: «Бог знает, как тяжело встретили мы Новый год. Я вернулся домой. Звонок, едва вошел. Я успел окрестить Любину комнатку, потом говорил с Любовью Александровной по телефону. Моя она и я с ней. Но, боже мой, как тяжело. Три имени. Мама бедная, Люба вдали, Любовь Александровна моя. Люба» (с. 252).

Позднее в своем очерке «Катилина» Блок, говоря о революционной волне в Древнем Риме, остановит свое внимание на поэте Катулле как на выразителе этой бурной эпохи и сделает заключение о том, что ни один историк не может передать напряженной

атмосферы грозных событий так, как это сделает поэт, даже если содержанием его стихов будет «личная страсть»:

«...личная страсть Катулла, как страсть всякого поэта, была насыщена духом эпохи; ее судьба, ее ритмы, ее размеры, так же, как и размеры стихов поэта, были внушены ему его временем; ибо в поэтическом ощущении мира нет разрыва между личным и общим; чем более чуток поэт, тем неразрывнее ощущает он “свое” и “не свое”; поэтому в эпохи бурь и тревог нежнейшие и интимнейшие стремления души поэта также преисполняются бурей и тревогой» (т. 6, с. 83).

Именно у поэта, скажет дальше Блок, можно найти «ключ к эпохе», позволяющий «почувствовать ее трепет, уяснить себе ее смысл» (там же, с. 86).

Раздвоенность Блока, его внутренняя открытость происходящим событиям, большим и маленьким, личным и мировым, а также творческое напряжение вызывают у него смятение, душевную усталость, надрыв: «Вечером – усталость, пьянство и безобразие» (3 декабря 1914 г., с. 249); «Ночью – тревога, мысли <...>. Спать трудно» (7 декабря, с. 249); «Вечером пианство и безобразие» (8 декабря, с. 249); «Статья (об Ап. Григорьеве. – *И.П.*) меня гвоздит, сидит в горле» (9 декабря, с. 250); «Что это так тревожно к ночи? Совесть, что ли?» (10 декабря, с. 250); «Пیانство и безобразие» (11 декабря, с. 250); «Вечером, едва я надел телефонную трубку, меня истерзали: Л.А. Дельмас, Е.Ю. Кузьмина-Караваева и А.А. Ахматова» (13 декабря, с. 250), и т. п.

И все-таки творческим апогеем этого первого военного периода жизни Блока была подготовка и выход в свет «Стихов о России» (Пг.: Отечество, 1915). Обращает на себя внимание формула заголовка «Стихи о...», которая встречается у Блока еще только раз – «Стихи о Прекрасной Даме» (1904). Эта параллель в контексте содержания обоих сборников несет особый смысл.

В книгу «Стихи о России» вошло многое из написанного ранее, с 1902 по 1914 г. Блок включил в нее также стихотворения, созданные осенью 1914 г., т. е. собственно военного времени. Это пять стихотворений: «Ветер стих, и слава зарева...» с посвящением «Моей матери» (август 1914), «Грешить бесстыдно, непобудно...» (30 декабря 1913 – 26 августа 1914), «Петроградское

Обложка книги А. Блока «Стихи о России», выполненная художником Г.И. Нарбутом

небо мутилось дождем...» (1–7 сентября 1914), «Я не предал белое знамя...» (декабрь 1902 – 3 декабря 1914), «Рожденные в года глухие...» (4 декабря 1913 – 8 сентября 1914). Все эти «военные» стихотворения до того, как появиться в книге «Стихи о России» в мае 1915 г., публиковались, как только были созданы, в газетах и журналах («Ветер стих...» – «Ежемесячный журнал». 1914. № 10. С. 3; «Грешить бесстыдно...» и «Петроградское небо...» – «Русское слово». 1914. 21 сентября; «Я не предал...» – «Биржевые ведомости» 1914. 25 декабря, утр. вып.; «Рожденные в года глухие...» – Аполлон 1914. № 10. С. 7).

Из этих пяти только два стихотворения связаны непосредственно с военной темой – «Петроградское небо...» и «Я не предал белое знамя...». Но и в них трактовка войны неожиданная. В осень 1914 г., когда эти стихи были созданы, царили даже в интеллигентской и писательской среде ура-патриотические настроения, критика писала о «беллетристической мобилизации». Даже такие крупные и самобытные поэты, как Ф. Сологуб, Н. Гумилев, В. Брюсов, Вяч. Иванов, каждый на свой лад прославляли мужество русских воинов, призывали Божью помощь на правое дело, выражали веру в победу, поскольку «с нами» – истина, рисовали грозный лик Архангела Михаила, и т. п. В стихах же Блока приглушенно звучало пророчество о трагической судьбе тех, кто «Наполнял за вагономъ вагонъ», и самой России: «В закатной дали Были дымные тучи въ крови». Смешанное чувство страха, обреченности, волевого веселья и слепой отваги уходящих на фронт Блок сумел уловить и выразить в стихотворении «Петроградское небо мутилось дождем...». Сквозь мотив отмены жалости («...намъ не было жаль»), предвосхищая поэму «Двенадцать» («Ничего не жаль»), звучит пронзительная и щемящая жалость, которую заглушают грозные и безжалостные реалии войны, вплоть до топонимической буквальности: «...отравленный пар / С Галицийских кровавых полей».

В мою задачу в данном обзоре не входит анализ этих стихотворений и книги стихов в целом. Однако нельзя не сказать, что выбор стихотворений и создание новых были продиктованы отнюдь не требованием момента, а глубоко личным, чаще всего отвлеченным непосредственно от военных событий, переживанием войны. Это стихи о любви трагической и неизменной, любви к Ней, «единственной на свете», некогда озарившей начало его пути, и к столь же единственной, ранящей и дарящей радостью России. Обе эти любви сливаются до неразличимости. Поэтому сохраняется формула заголовка – «Стихи о...». Объяснить связь этой книги с войной можно, снова сославшись на самого Блока: «Стихотворения, содержание которых может показаться совершенно отвлеченным и не относящимся к эпохе, вызываются к жизни самыми неотвлеченными и самыми злободневными событиями» (т. 6, с. 83).

Книга «Стихи о России» вызвала обвал откликов в газетах и журналах, в столицах и провинциях. Общим гласом было, что Блок – самый русский из современных поэтов, что стихи этой небольшой книжки войдут в вечность. Такой славы и такого всеобщего признания Блок еще не знал.

Отзывы появились уже на первые публикации «военных» стихотворений осенью 1914 г. М. Левилов в обзоре стихотворений на военную тему под заголовком «Бессильные» выделяет среди других поэтов, к которым относит свой заголовок, Блока и его стихотворение «На войну» (так в первой публикации называлось стихотворение «Петроградское небо мутилось дождем...»): «<...> аристократ среди поэтов <...>, мистик романтизма и индивидуализма, прямой потомок Новалиса <...> сказал самое красивое, ценное и искреннее слово о текущем дне, слово, которое останется вечно. <...> И искренне, ценно, красиво оно потому, что он единственный стал на верную позицию, отмежевал себя от происходящего, не претендовал ни на роль пророка, обличителя или вождя. Просто как человек с аристократической интимной душой, он понял, что даже и теперь он должен быть одним, на горе вверху, и сказал в лирическом раздумье, провожая уходящих туда» (Жемчужина. Пг., 1914. № 7. 24 нояб. С. 16).

На стихотворение «Грешить бесстыдно, непробудно...» в «Биржевых ведомостях» (СПб., 1914. 5 нояб, утр. вып. С. 2) откликнулся одобрительно священник К. Аггеев. Блок по этому поводу скажет: «Священник К.М. Агеев улыбнулся мне (в статье в “Биржевых ведомостях”» (ЗК, 6 ноября, с. 246).

Критик М. Неведомский, выражая возмущение «поэзией и прозой наших дней» в статье «Что случилось с нашей литературой?», не зная еще, что на выходе книга Блока «Стихи о России», уважительно говорит о его «целомудренном молчании на тему о войне», признавая его «наиболее талантливым и искренним из наших символистов» (Современник. Пг., 1915. № 5. С. 277). Формулу «целомудрие молчанья» критик заимствует из стихотворения З. Гиппиус «Тише», написанного в августе 1914 г. и отнесенного ею к начавшейся войне. Ироническим эпитафием к этому стихотворению служит строка из энергично включившегося в военную риторику

Ф. Сологуба: «...Славны будут великие дела...», и начинается оно с обращения к поэтам: «Поэты, не пишите слишком рано, Победа еще в руке Господней».

А. Ожигов помещает в журнале «Современный мир» (Пг., 1915. № 9) восторженную рецензию на «Стихи о России». Ему принадлежит в этом же номере журнала разгромная статья о военной прозе, озаглавленная «О беллетристической мобилизации», в которой критик говорит, что Марс, обезличивая солдат в окопах, точно так же обезличивает литераторов, пишущих о войне. В предыдущем номере этого журнала он опубликовал свою статью «На бранной лире», в которой столь же суровой критике подверг стихи современных поэтов на тему войны. О Блоке же он пишет: «Только большая любовь к родине могла родить такое вдохновенное <...> и в граде барабанных изданий бранной поэзии», на фоне «непристойного пустозвонства примитивного патриотизма» оно светится неподдельной любовью к России.

Ярко и весомо написал о «Стихах о России» Георгий Иванов (Аполлон. Пг., 1915. № 8–9. С. 96–99). Он отмечает органичную целостность этой книги, удивительный вкус автора («провидение вкуса») в выборе и организации стихов. Цикл «На поле Куликовом», открывающий сборник, дает определяющую тональность всей книге – «просветленную грусть и мудрую ясно-мужественную любовь поэта к России». Высоко оценивает он стихи, написанные уже в военное время. В связи со стихотворением «Петроградское небо мутилось дождем...» он делает вывод, что «все школы и -измы» «не нужны истинным поэтам». Останавливая внимание на финале стихотворения «Я не предал белое знамя...» («И горит звезда Вифлеема / Так светло, как любовь моя»), Г. Иванов замечает: «Подлинно – звезда горит, “как любовь”, а не наоборот». Он отмечает также, что глубоко национальная муза Блока не ищет подделки под народную поэзию, но в его стихах – «Россия былин и татарского владычества, Россия Лермонтова и Некрасова, волжских скитов и 1905 года». В заключение Г. Иванов говорит об «истинной классичности» этих стихов Блока: «Это естественная классичность высокого мастера, прошедшего все искусства творческого пути. Некоторые из них стоят уже на той ступени просветления простоты, когда стихи, как пе-

сня, становятся доступными каждому сердцу. <...> Любовь, мука, мудрость, вся сложность чувств современного лирика соединены в них с величественной, в веках теряющейся духовной генеалогией». Эту рецензию Г. Иванова как самый выразительный отклик на «Стихи о России» Блока включил в свое репринтное издание книги С.С. Лесневский⁴. В издании воспроизведена не только обложка, выполненная художником Г.И. Нарбутом, но и оборотная сторона с помещенным в рамку текстом: «Чистая прибыль от издания поступает в “Общество Русских Писателей для помощи жертвам войны”». На форзаце помещен логотип типографии «Якорь» (Петроград, Б. Болотная, 10), где была отпечатана эта книжка тиражом 3000 экземпляров.

Позднее С.К. Маковский, редактор «Аполлона» того времени, в своих воспоминаниях (*Маковский С.* На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962) напишет: «...из статьи Георгия Иванова я не выкинул ни одной хвалебной строчки, т. к. по существу он был прав, восхищаясь именно этим Блоком, называя *лучшей* его книгой “Стихи о России”»⁵.

Ю. Никольский в рецензии «Александр Блок о России» (Русская мысль. М.; Пг., 1915. № 11. С. 16–19) пишет, что эти его стихи – «лучшее из всего, что было создано в этой области со времен Тютчева», и, переключаясь с Г. Ивановым в отрицании «школ и «измов», продолжает: «В Блоке <...> нет ни “формы”, ни “содержания” – в слове для него заключена истина в целом». Появление этой статьи Блок отметил в *ЗК*, 2 декабря 1915 г. (с. 279), а позднее, в дневнике 10 марта 1921 г. сделает запись: «“Русская мысль”, 1915, № 11 (ноябрь) – в отделе “В России и за границей” – заметка: “Александр Блок о России” Ю. Никольского (стр. 16–19). (Журнал с 1910 (или 1911?) года до половины 1915-го погиб в Шахматове)» [т. 7, с. 414].

Б. Гусман в отклике на «Стихи о России» Блока говорит о внутреннем накале этой книги: «У Блока под внешним спокойствием чувствуется “вечный бой”. Каждая строчка рождена в горении, поэтому такой внутренней необходимостью дышит каждый образ <...> Александр Блок – самый русский из современных поэтов» (*Журнал журналов.* 1915. № 12. С. 16).

И. Оксенов в обзоре литературы за 1915 г. останавливает свое внимание на поэтах: «Война приблизила к нам Блока и Ахматову и удалила Брюсова и Бальмонта». Стихотворение Блока «Грешить бесстыдно, непробудно...» критик сравнивает с рассказом Лескова «Чертогон». О книге «Стихи о России» в целом он пишет, что она «изумительна» и что «самый нежный и самый беспощадный из русских поэтов принес ею величайший жертвенный дар России». В стихотворении «Рожденные в года глухие...» И. Оксенов услышал свое личное и характерное для всего поколения: «На наших лицах кровавый отсвет от дней войны и “дней свободы”. Гул набата заградил нам уста, и мы остались немыми, а в сердцах наших – пустота» (*Новый журнал для всех.* Пг., 1916. № 1. С. 18). Далеко не все современники Блока воспринимали эти стихи как выражение трагедии целого поколения. Вл. Рындрюн, Е. Аничков, Н.П. Ашешов видели здесь «роковую пустоту» в душе Блока или объясняли эти строки в целом свойственным поэту пессимизмом⁶. О пессимизме Блока и о его тоскующей любви говорит и Л. Фортунатов, особенно в отношении к стихотворению «Грешить бесстыдно, непробудно...»: «...жуткой тоской веет от такой, воистину, безнадежной любви» (*Журнал журналов.* Пг., 1916. № 22). Однако тот же Вл. Рындрюн в статье «“Сегодня” и “вчера” в русской поэзии» (Приазовский край. Ростов-на-Дону, 1916. 3 июля) высоко оценит «Стихи о России» как «выдающееся поэтическое событие».

В более позднем отклике на «Стихи о России» А. Горностаев в статье «“Красная тайна”: (Россия в поэзии Блока)» (*Южный огонек.* Одесса, 1918. № 16, авг.) увидит в «военных» стихах поэта пророчество о еще более грозном и неотвратимом будущем: «Сказано о той войне, о той прежней свободе (1904–1905 г.). Новая война и новая свобода – в неизмеримо грандиознейшем масштабе – не только ничем не заполнила “роковой пустоты”; но еще шире ее раздвинула, углубила до бездонной пропасти, на краю которой и находимся все сейчас...»

Здесь приведен далеко не полный перечень газетно-журнальных откликов и рецензий, к которым следует прибавить личные отзывы, зафиксированные в *ЗК*, например: «Зинаида Николаевна (Гиппиус. – *И.П.*) по телефону мои стихи хвалит (о России)» (4 де-

кабря 1915, с. 279). Тремя днями раньше, 30 ноября, Блок запишет: «Зинаиде Николаевне посвятить стихотворение “Рожденные в года глухие...”», и действительно посвящение появится в издании 1916 г. Она, в самом начале войны сказавшая о «целомудрии молчания», как никто, могла в это время понять и принять блоковские строки о памяти и беспамятстве, о «немоте» и «роковой пустоте».

¹ Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960–1963. Т. 6. С. 84–85. Далее ссылки на это издание даются в квадратных скобках с указанием тома и страницы.

² Блок А.А. Записные книжки. М., 1965. Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страницы или даты записи и страницы.

³ РГАЛИ. Л.Д. Блок. Ф. 55. Оп. 1. Ед.хр. 165. Л. 26–35.

⁴ Блок А. Стихи о России. Пг., издание журнала «Отечество», 1915. / Ред.-сост. С.С. Лесневский. М., 1995. 56 с.

⁵ Цит. по: Блок А.А. Полн. собр. соч.: В 20 т. М.: Наука, 1997. Т. 3. С. 904. (Комментарий А.В. Лаврова).

⁶ См. Блок А.А. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 964–965.

Библиография

Александр Блок. Переписка: Аннотированный каталог / Под ред. В.Н. Орлова. Вып. 1: Письма А.А. Блока. М., 1975; Вып. 2: Письма к Александру Блоку. М., 1979.

Блок А.А. Дневник / Подг. текста, вступ. ст. и примеч. А.Л. Гришунина. М., 1989.

Блок А.А. Записные книжки. М., 1965.

Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997–2010. Т. 1–5, 7, 8.

Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960–1963.

Блок А. Стихи о России. Пг., 1915.

Блок А. Стихи о России / Подг. и послесл. С.С. Лесневского. М., 1995 (репр.: Пг., 1915).

Блок в критике современников: (Аннотированная библиографическая хроника. 1902–1921) / Сост. В.И. Якубович, при участии Р.Г. Захаренко,

В.В. Серебряковой и Л.С. Шепелевой // Александр Блок: Новые материалы и исследования. М., 1993. Кн. 5. С. 633–826. (Лит. наследство).

Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921) / Публ. Н.В. Котрелева и Р.Д. Тименчика // Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1982. Кн. 3. С. 153–539. (Лит. наследство).

Блок Л.Д. Письма А.А. Блоку: 1914–1915. РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед.хр. 165. Л. 14–35.

Отрывки из писем сестры милосердия // Отечество. 1914. № 14. 23 нояб. С. 78–79.

Газетная хроника культурной жизни, связанная с войной (с упоминанием имени Блока)

Литературная хроника // Утро России. М., 1915. № 38. 7 февр. С. 5.
<Объявление> // Утро России. М., 1915. 8 марта. С. 1; то же – Раннее утро. М., 1915. 1 марта. С. 1 (Анонс выхода альманаха «Клич» на помощь жертвам войны).

Жертвам войны – писатели и артисты // Утро России. М., 1915. 25 марта. С. 5 (Анонс «Невского альманаха»).

«Поэты – воинам» // Речь. СПб., 1915. 31 марта. С. 5 (Отчет о вечере совр. искусства 28 марта в Зале Армии и Флота).

Поэты – воинам: Вечер совр. искусства в Зале Армии и Флота // День. Пг., 1915. 1 апр. С. 5 (Отчет о вечере 28 марта в пользу Лазарета деятелей искусств).

Литературная хроника // Утро России. 1915. 11 апр. С. 6.

Вечер поэтов // Петроградский курьер. 1915. 18 апр. С. 5 (Программа вечера в Тенишевском зале в пользу II-го гор. Лазарета); то же – Речь. 1915. 18 апр. С. 5.

Лутугин Л. Письмо в редакцию // День. Пг., 1915. 26 апр. С. 4 (Благодарность попечителя госпиталя всем участникам вечера поэтов 18 апр. в Тенишевском зале).

Отзывы о стихах Блока военного времени в газетах и журналах

Агеев К. Национальный вопрос перед судом религии // Биржевые ведомости. СПб., 1914. 5 нояб. С. 2.

Гусман Б. Александр Блок // Журнал журналов. 1915. № 12. С. 16.

Иванов Г. «Стихи о России» Александра Блока. (Пг., 1915) // Аполлон. 1915. № 8–9. Окт.–нояб. С. 96–99.

Казанский Б. Рец. на кн.: А. Блок. Стихотворения, кн. 3. 2-е изд., М.,

- 1916 // Биржевые ведомости. 1917. 17 февр., утр. вып. С. 6.
- Кроткий Э. Война и поэты: (Из альбома пародий) // Одесские новости. 1914. 13 дек. С. 6.
- Кудрявцев П. Об одном мотиве в русской поэзии последнего времени // Эпоха. Киев, 1915. № 2. 8 февр. С. 4.
- Левидов М. Бессильные // Жемчужина. Пб., 1914. 24 нояб. С. 16.
- Масляненко Д. Русские поэты о современной войне // Исторический вестник. Пг., 1915. № 1. С. 243.
- Неведомский М. Что случилось в нашей литературе? (О поэзии и прозе наших дней) // Современник. 1915. № 5.
- Никольский Ю. Александр Блок о России // Русская мысль. М.; П., 1915. № 311. С. 16–19.
- Ожигов А. Война и русская литература // Книга о войне: Беспл. прилож. к газ. «Современное слово». Пб., 1915. С. 225–226.
- Ожигов А. Рец. на кн.: А. Блок. Стихи о России. Пг., 1915 // Современный мир. Пг., 1915. № 9. С. 188–189.
- Оксенов И. Литературный год // Новый журнал для всех. Пг., 1916. № 1. С. 58.
- Робакидзе-Кавкасиели Г. Война и культура: О русском гении // Кавказ. Тифлис, 1914. 5 дек. С. 3.
- Рындзюн В. «Сегодня» и «вчера» в русской поэзии // Приазовский край. Ростов н/Д., 1916. 3 июля. С. 2.
- Философов Д. Две души // Речь. Пг., 1916. 1 янв. С. 5.
- Фортунатов Л. Стихи о родине // Журнал журналов. Пг., 1916. 25 мая. С. 8.
- Чемоданов А. Рец. на кн.: Бельгийский сборник. Пг., 1915 // Вешние воды. 1915. № 7 <март–июнь>. С. 192.

Воспоминания

- Маковский С.К. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962. С. 158, 166.
- Рождественский Вс. Страницы жизни: Из литературных воспоминаний. 2-е изд. М., 1974. С. 156.

Мировая война и цикл «Кризисов» Андрея Белого

Германская культура была второй родиной Бориса Бугаева с юношеского увлечения Шопенгауэром и Ницше или даже начиная с немюк-гувернанток, читавших ему немецкие стихи и сказки; он не помнил, с какого возраста понимал по-немецки¹. К этому нужно добавить многолетние занятия Кантом и неокантианством, музыку Шуберта и Шумана, штейнерианство и несколько лет жизни в Германии и в немецкой Швейцарии. Единственный предпринятый им в жизни поэтический перевод осуществлялся с немецкого², единственный раз, когда он писал не на родном языке, это тоже был немецкий³. В русско-германской войне Белый волей-неволей чувствовал себя оказавшимся как бы по обе стороны фронта; это хорошо видно, например, в статье «Современные немцы»⁴, мысли которой через 15 лет были положены в основу плана романа «Германия»⁵, главный герой которого, немец, имеет явно автобиографические черты.

Как утверждается в «Современных немцах», «три книги сопровождают» в окопах идеализированного немецкого солдата – «“Заратустра”, Библия, “Фауст”»; в написанном немного позже «Кризисе культуры» обнаруживается, что три книги сопровождают в самых неудобных для чтения условиях, а именно в горах и в пустынях, самого автора – это «Евангелие, “Заратустра”, “Пути посвящения”»⁶. «Пути посвящения» – это мистериальные драмы Р. Штейнера; «Фауст» также ставился антропософами в 1915 г. и понимался как мистериальная драма⁷. Формула «трех книг» встречается в творчестве Белого и раньше: в «Круговом движении», в 1912 г., три книги, которые сопровождают всюду автора – это «Евангелие, “Заратустра” и Гоголь»⁸. Гоголь, единственный рус-